

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»

ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК

Выпуск XX

Основан в 1926 году

Севастополь
2019

ББК 63.3+63.4+94.3(2Рос-2Сев)я2
УДК 904+930.85+082
Х 39

Рекомендовано к изданию решением Ученого совета ФГБУК
«Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический».

Рецензенты:
доктор исторических наук В.Н. Зинько;
кандидат исторических наук Э.А. Хайрединова.

Редакционный совет:
Айбабин А.И., проф., д.и.н. – председатель Редакционного совета; Бибиков М.В., проф., д.и.н.;
Зайков А.В., к.и.н.; Костромичев Д.А., к.и.н.; Майко В.В., д.и.н.; Науменко В.Е., к.и.н.;
Сапрыкин С.Ю., проф., д.и.н.; Седикова Л.В., к.и.н.; Степаненко В.П., проф., д.и.н.;
Туровский Е.Я., к.и.н.; Храпунов И.Н., проф., д.и.н.

Редакционная коллегия:
Зайков А.В., к.и.н. – ответственный редактор; Прохорова Т.А., к.и.н.; Роменский А.А., к.и.н.

Х39 **Херсонесский** сборник. Выпуск XX. Сборник научных трудов / отв. ред. А.В. Зайков – Севастополь :
Альбатрос, 2019. – 352 с. : ил.
ISBN 978-5-9500190-8-1

Основу двадцатого выпуска «Херсонесского сборника» составляют статьи, которые касаются находок, открытий и древностей, связанных с Крымом и, в первую очередь, с территорией древнего города Херсонеса Таврического и его округи. Ряд статей посвящены херсонесской нумизматике, эпиграфике и истории Херсонесского музея. Этим, однако, тематика сборника не ограничивается: здесь также публикуются материалы и исследования по ряду актуальных проблем античной и византийской социально-политической и культурной истории более широкого географического охвата. Издание адресуется историкам, археологам, краеведам, студентам и преподавателям, а также всем тем, кто интересуется античной и средневековой археологией, историей и культурой.

ББК 63.3+63.4+94.3(2Рос-2Сев)я2
УДК 904+930.85+082

ISBN 978-5-9500190-8-1

© ФГБУК «Государственный историко-
археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический», 2019

DE TITULIS CHERSONESI TAURICAE

К херсонесским эпиграфическим памятникам, опубликованным в предыдущие годы, у меня за последнее время накопилось немало наблюдений, которыми мне хотелось бы поделиться.

1. Декрет в честь амисенца. В своей книге «Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Лapidарные надписи» (1973) Э.И. Соломоник под № 110 опубликовала corrigendum к чтению (ὁ δεῖνα ...]λαδα Μη[...) В.В. Латышевым стк. 3 декрета в честь посла, отправленного царем Понта Митридатом Эвпатором в Херсонес (IOSPE I² 349; ср. IOSPE³ III 7), а также сделанные ею из этого пересмотра исторические выводы [9, с. 113–117]. Исходя из того, что начало названия находившегося на южном берегу Черного моря Метрополиса в двух последних сохранившихся, по мнению Латышева, на камне буквах, должно было бы иметь тут дорийскую огласовку (ΜΑ-, а не ΜΗ-), она провела новую аутопсию и выдвинула свою версию данной строки: ----]φαλα Ἀμ[σηνός ----. Где посланец понтийского монарха был справедливо идентифицирован как уроженец Амиса.

И пусть, приступая к ревизии, Соломоник, во-первых, упустила, что далее по тексту документа встречаются формы койнэ: εὐσχήμονα и χρήμασι (вместо обычных в Херсонесе εὐσχάμονα и χράμασι), во-вторых, сама же в дополнении этниками амисенца поставила ионийскую огласовку и, в-третьих, чересчур категорично настаивает, что «Митридат направил посольство в Херсонес непосредственно из своей столицы Амиса» (ибо амисенское происхождение посла не исключает, что тот отправился из другого стольного града царства – Синопы). Однако, полученный ею результат позволяет этой маленькой новеллой принципиально подчеркнуть, что даже не до конца точная логика предпосылок может стимулировать знающего эпиграфиста к правильной реконструкции текста.

2. Граффито 1988 года (рис. 1). В 2008 г. увидела свет [3, с. 173–186] любопытная надпись на обломках краснофигурного килика из нижнего

слоя засыпи под вымостку двора средневековой бани, перекрывшей помещение № 49 в квартале III Северо-Восточного района Херсонеса (доследование М.И. Золотарёвым раскопок Р.Х. Лёпера). Сохранился фрагмент профиля – венчик и часть стенки – *cup-skyrphos* с дионисийским сюжетом на внешней и рисунком из листьев и плодов плюща на внутренней его поверхности.

Хотя С.В. Ушаков датировал артефакт первой половиной IV в. до Р. Х., он, поскольку наиболее близкая аналогия самой вещи относится приблизительно к 380 г. до Р. Х. [3, с. 175], не должен быть моложе рубежа первой и второй четвертей IV в. до Р. Х. Другое дело – граффито, которое может принадлежать середине, а то и второй половине того же столетия.

По внутренней стороне опрокинутой закраины чаши, частично перекрывая плющевой орнамент, четко прочерчено ΑΓΕΜΟΝΑΣΚΑΛΑΣ – Ἀγεμόνας (однажды [3, с. 176] некорректно транскрибировано И.А. Макаровым Ἀγεμχόνας) Καλᾶς. В целом верно, хотя и по ошибочным основаниям (ведь для выдержанных в генитиве посвящений богу или человеку комплимент «прекрасная» очень характерен), отказываясь от владельческой (род. пад. личного имени Ἀγεμόνας), эротической или смешанной, из этих двух, природы артефакта, Макаров, неточно сославшись на Соломоник [8, с. 126–128 – указал только с. 127], приходит к тому, что обе лексемы суть эпikleзы божества на кубке для симпосия в храме или либации в домашнем святилище [3, с. 177]. Такое размещение божественных имен попадается [см., например, 15], хотя для Херсонеса оно до сих пор не было зафиксировано [ср., например, 10, с. 37, № 384–386; 11, с. 85, № 425 и т. д.].

Оставляя читателю выбор одной из предложенных им атрибуций, Макаров сразу переходит к рассмотрению тропов Ἠγεμόνη и Καλή, которые поспешно признаёт присущими исключительно (1) одной из харит, (2) Афродите и (3) Артемиде, из коих он ожидаемо предпочитает последнюю

[3, с. 177 слл.]. Соглашаясь с логичностью его предпочтения, надо подчеркнуть, что, если ориентироваться не на одного Г. Узенера [22], то обнаруживается, что оба *Weiname* свойственны также и Афине, и Гекате (кстати, о связи последней с Артемидой см., например, [14, с. 71–73 и библиография на с. 79–80]), и другим богиням [18, s.v.].

Отождествив Артемиду Гегемону с херсонесской Девой, Макаров предлагает три гипотезы, оправдывающие ее появление в граффито: 1) Предводительница колонистов; 2) Покровительница девушек, женщин и деторождения; 3) Возглавляющая нимф [3, с. 179–183]. Снова не определившись между ними, он, упустив отвечающие ранней датировке надписи фиксации той же дефиниции [17, s.v.; 18, s.v.; 19, s.v.], отсылает к Καλή как регулярному прозвищу Артемиды в римских Бойях [3, с. 180].

Неуверенные замечания Макарова трудно назвать выводами. Поэтому начать определенно надо с того, чтобы вспомнить, что те, кого называют «мэтрами мэтров» всей греческой эпиграфики – Адольфа Вильгельма и Луи Робера – настойчиво призывали к тому, чтобы правильное понимание любого документа, а граффито в особенности, выросло из сугубого внимания прежде всего к условиям его находки, характеру его носителя и к его уникальным чертам [см. ВЕ, раздел Méthodes в выпусках разных лет; 21, 1970]. И здесь мы оказываемся в привилегированном положении.

Во-первых, данное Ушаковым [3, с. 173 слл.] развернутое описание археологического контекста показывает хорошо известный мне со времени работы в экспедиции Золотарёва в начале 1980 г. типичный квартал городской застройки. Единственные храмы тут – вырубленные в скале под частными усадьбами молельни крипто-христиан. Языческих святилищ – публичного ли, частного ли свойства – нет. Фрагменты не могли здесь очутиться и из-за их перемещения с территории античного теменоса в составе материала для отсыпки под вымостку. Ведь на месте пришедшего в упадок к Средневековью участка хватало своей строительной некондиции, и не было надобности завозить ее извне. Тем самым, нет никакой нужды понимать эту надпись как votivную либо предназначенную для сакрального застолья или возлияния.

Во-вторых, эпитеты Ἀρεμῶνας и Καλῆς начертаны на *внутренней* стороне вместилища, чего в обращениях к богам в Херсонесе пока не бывало (см. выше). В качестве близкой аналогии нашим эпиклезам можно привести изданное Соломоник с ошибками [10, с. 30, № 148] посвящение на *наружной* плоскости поддона килика – (Ἀρτάμιτος)

Ἀγγέλο Ἀρεμῶνας): *гаммы* в первом слове даны в лигатуре, как *дигамма* (Соломоник прочла – АГЕЛО); *мю* во втором напоминает две сомкнувшиеся *лямбды* (Соломоник: АГЕЛЛО). Ἀγγελοσ – распространенное определение Артемиды [18, s.v.]

Наконец, наши графемы стартуют существенно ниже отогнутой наружу закругленной закраины cup-skyphos. Затем они немного приближаются к ней, но на нее частично заходят лишь первая *альфа* (едва) и *лямбда* с *альфой* из слога ΛΑ в лексеме Καλῆς. Конечная же *сигма* в ней опять заметно уходит вниз.

Но главное – слова написаны так, что вразумительно прочитаны они могут быть только тогда, когда склеенные куски чаши обращены закраиной вниз. Значит, текст появился уже после того, как сосуд утратил свое первоначальное назначение. Скорее всего – даже прямо на черепке [ср.: 15].

Совокупность перечисленных признаков свидетельствует о вторичном использовании обломка (-ов). А назначение одного раскрывает изданная (Anth. app. ep. add. II 198 b.10) Эдмоном Куньи в его добавлениях к Anthologia Palatina стихотворная фраза Ἀρτέμιτος Καλῆς, || Τοξοφόρου, Λοχίης, где Артемиды воспевается и как помощница в родах.

Во все времена наставники предлагают начинающим стихотворцам стартовать с подражания эталонам путем замены словарных единиц и/или понятий в образцах на им подобные. Ergo перед нами первая часть исполненного юным поэтом задания, в котором имя Артемиды заменено одним из ее хорошо известных титулов: Ἀρεμῶνας Καλῆς (— ∪ ∪ — ∪ —).

Так, вместо рядовой записи, смысл и назначение которой, кроме всего прочего, первоиздатель окончательно так и не выявил, получаем первоклассный источник об образовании и образованности в Херсонесе Таврическом в середине, а скорее – второй половине IV в. до Р. Х. (дате не противоречит и палеография граффито). Ибо для того, чтобы изготовленный на рубеже первой и второй четверти IV в. до Р. Х. сосуд оказался ни на что более не годным, должно было пройти, как минимум, несколько десятилетий [ср.: 16] – известно, что древле художественная керамика была предметом особой заботы не менее, чем ныне.

3. Декрет в честь Ксенона Тимофеева (IOSPE I² 347; IOSPE³ III 11) (рис. 2). В X томе журнала «Аристей» опубликована [5, с. 292–307] хорошо известная мне с 1999 г. рукопись Ю.Г. Виноградова (ср. как я поступил в аналогичной ситуации: [2]), местами сопровождаемая Макаровым собствен-

ными заметками¹. Последний, во-первых, признаёт, что Ю.Г.² проделал большую работу, объединив две части одного памятника и подготовив их к изданию, и что сам он приводит, в целом, чтение покойного [5, с. 294–295]. Во-вторых, он же отмечает, что объем архивного дела составляет 27 листов [5, прим. 10], и это, за вычетом резюме и библиографии, близко листажу в вышеупомянутом журнале. В-третьих, вклад Виноградова и Макарова быстро распознается. Первый пишет легко, ясно и строго, свободно владея полисемией и синонимикой русского языка. Второй – вязко, путано, с тавтологией в одном предложении, плеоназмами, чудными описками и элементами новояза – «тхета» взамен обычного в русской науке правильного *тема* (звук, обозначавшийся на письме знаком ъ, судя по отражению его другими символами в различных диалектных надписях [см. SGDI; DGEER], произносился, начиная с архаической эпохи [th], как первый звук в современном английском артикле the, но не [tkh]) и т.п.

Стремясь подправить реконструкцию Виноградова, Макаров делает это, увы, в самых неподходящих случаях. В заслуживающем всяческих, пусть и небезграничных³, похвал чрезвычайно полезном интернет-проекте IOSPE³, внося свои предложения в основной текст и честно оставляя Виноградову место в критическом аппарате, он продолжает проигрывать тому в сравнении. Из стк. 5, ничего не предлагая взамен, и тем брутально прерывая гармонию течения сюжета, убирает оборот ἐν καιροῖς ἄπ[α]σι. А ведь таковой не только идеально заполняет лауну, но и полностью соответствует смыслу начала мотивировочного пассажа.

Дабы на чем-то основать свою точку зрения, Макаров – хотя ему прекрасно известно [5, с. 303; 6, прим. 25], – что καιρός/καιροί указывают в официальных документах на «тяжелые, чрезвычайные, критические обстоятельства», – углубляется в рас-

суждения, призванные, якобы, подтвердить, что καιρός в декретах, в обороте ἐν πᾶσι(?) τοῖς καιροῖς в том числе [5, с. 304], значит, как и в нарративных источниках, просто надлежащий (? : словарная статья [LS] s.v.) говорит «момент, любой момент». – *ФШ-К*) момент. Притом такой подход противоречит им же самим [5, прим. 43] приводимым надписям и ссылкам на Вильгельма и Робера, многоразды категорически возражавших против смешения эпиграфики с литературой.

К тому же опирающееся на многочисленные аналогии для сткк. 4–5 виноградовское Εἰς τὸν Τριτοῦτον [ἢ Βοσπορα] / [νὸς (?) ἐν καιροῖς ἄπ]ασιv делает мрамор полноценным свидетелем полосы испытаний, через которую тогда (ср. IOSPE I² 691 = IOSPE³ III 10) проходил Херсонес. А Макаров, оставляя зияющий *vacat*, не только резко снижает историческое значение памятника, но и вступает на путь раздвоения собственной позиции [5, с. 300–302].

Выбранное решение неизбежно приводит его к тому, что Ксенон был рядовым благодетелем. Раз так, то дополнение Виноградовым в стк. 16 этника [Βοσπορ]αvόν оказывается для Макарова неверным, ибо херсонесские проксении боспорцам, по его мнению, вообще неизвестны – и, как он предполагает, неслучайно. В этой связи он пишет о «жестком контроле верховной (боспорской. – *ФШ-К*) власти над экономической деятельностью своих подданных» и невозможности «свободной <...> инициативы боспорцев по отношению к Херсонесу в период протектората, когда <...> влияние боспорской власти <...> было особенно велико». И, апеллируя к трем амастрийцам-проксенам Херсонеса (один – рубежа эр, и двое – II в. по Р. Х.), предлагает свой вариант восстановления – [Ἀμαστρί]αvόν [5, с. 303]. Явный анахронизм аналогий документу середины I в. до Р. Х. его не оставяет.

Зато он приписывает Виноградову мнение, что Херсонес в первой половине I в. до Р. Х. был лишен права законодательной деятельности [5, с. 303]. Тот же написал нечто совсем иное: херсонеситы почтили боспорца, когда у них появилась такая *возможность*. То есть, тогда, когда община вновь обрела контроль над своей территорией, что требуется для того, чтобы проксения и право входа в гавань и выхода из нее не были пустым звуком. Следовательно, *ситуация* с Ксеноном Тимофеевым – *совсем не проходная*.

Заканчивается же амастрийский этюд Макарова тем, что свой выбор он считает не более чем гипотезой, «дополнительным (? – *ФШ-К*) свидетельством» в пользу коей он выдвигает гераклейское гражданство Гая Юлия Сатира, декрет в честь ко-

¹ Архив Юрия Германовича был после гибели ученого передан его сыном и наследником А.Ю. Виноградовым в «Вестник древней истории» и, судя по многим статьям И.А. Макарова и А.И. Иванчика (о нем – разговор особый) охотно, активно и широко ими используется.

² Юрий Германович Виноградов. – *Примеч. ред.*

³ Его реализаторы то следуют советской традиции писать фамилии Кёппен, Лёпер, Кёне, Кёлер без «ё», то отходят от нее. То выбирают западные кальки («государственные декреты» с нем. Staatsverträge вместо привычного – просто «декреты»), то впадают в языковой супернационализм («согласование нумерации» вместо «конкордация»; «движок» вместо «курсор» и т.п.). То дают неточные переводы названий (Union académique internationale – Международный академический союз, а не союз академий), то в списке имен отсутствует Ксанф Лагоринов и другие nomina. И т. д.

торого был вотирован тем же годом, что и у Ксенона [5, с. 304]. И уж совсем робко: «одновременное чествование гераклеота и амастрийца», граждан полисов «в составе провинции Вифиния–Понт», «могло оказаться (в чем, как, почему? – ФШ-К) не просто случайным совпадением» [5, с. 304–305]. Текст резко обрывается на полуслове высказыванием, загадочным, судя по отсутствию его разъяснения, и для самого его автора.

Очевидно, что отказ от регулярного понимания и реконструкции *καίροί* в стк. 5 заводит Макарова в тупик. Во-первых, он сам признаёт, что одно постановление (и в куда более близкое время, чем в случае с упомянутыми выше гражданами Амастрии) в честь боспорца – представителя царицы Динамии, все-таки, имеется (IOSPE I² 354 = IOSPE³ III 12). А оно могло быть и проксеническим: перечисление наград в нем не сохранилось. Значит, макардовское возражение против этника боспорянина не имеет силы. Во-вторых, что мешало Ксенону быть таким же, только более ранним, посланником боспорских владык, как и Амений из IOSPE I² 354, именно в критической ситуации, на которую указывает принятый тем же, что и ксенонова проксения, 46/45 г. до Р. Х. декрет в честь Гая Юлия Сатира IOSPE I² 691 (=IOSPE³ III 10)? Это всего лишь логично, учитывая, что Херсонесский полис входил в орбиту Боспора с эпохи Митридата Эвпатора. В-третьих, Ксенон Тимофеев мог быть и просто влиятельным боспоритом. Ведь превращение Макаровым тесной связи Херсонеса с Боспорским царством с конца II по конец I в. до Р. Х. [5, с. 292] в экономический тоталитаризм есть результат модернизаторства, с которым наука рассталась в середине XX века.

В стк. 18 Макаров вписывает в лакуну *распространенное с раннего времени* в аналогичной позиции, в том числе, в Ольвии и на Боспоре, но *не в Херсонесе*, общеэллиническое клише *αὐτῶι καὶ ἐκύονοις* вместо *αὐτῶι καὶ χράμασι* Виноградова. Его не смущает, что *альфа* от второго *καὶ* стк. 18 находится, с минимальным сдвигом вправо, под *tau* стк. 17. Значит, в началах обеих строк при одном количестве *йот* в них должно было пропасть по 16 литер. Чего он не соблюдает. Кроме того, *αὐτῶι καὶ ἐκύονοις* после привилегий появляется в херсонесских псефизмах – инициированных проедрами – лишь в римский период и единственно как неразрывный элемент клаузулы *αὐτῶι καὶ ἐκύονοις καὶ χράμασι* (см. IOSPE I², НЭПХ II; IOSPE³ III). В постановлениях, внесенных номофилаками, формулировка *αὐτῶι καὶ ἐκύονοις/καὶ γένει* *всегда* (ассоциация надписи, ставшей предметом рецензии в BE 2008, 394 et 397 bis, с Херсонесом, как и иные ее интерпретации,

остаются сомнительными) размещается *до пожалований*, а *αὐτῶι (-τοῖς) καὶ χράμασι* – как у Виноградова – *следом за правом входа в гавань и выхода из нее* (IOSPE I² 340 = IOSPE³ III 4; IOSPE I² 349 = IOSPE³ III 7; ср. IOSPE³ III 58). Интересно, что данная закономерность была известна Макарову восемью годами ранее (ср. IOSPE³ III 58). Поскольку же надпись принадлежит переходному этапу, то эта формула могла быть смещена из начала в самый конец. Я вынужден настаивать на виноградовском видении стк. 18: [*αὐτῶι καὶ χράμασι κ*]αὶ πο[*λέμου καὶ εἰράνας*].

Коли уж что-то тут и предлагать, то, опираясь на синхронный нашему документ (IOSPE I² 349 = IOSPE³ III 7), где следом за *εἰσπλοῦν, ἔκπλοῦν* идут *ἀσυλεῖ καὶ ἀσπονδεῖ*, и приняв возможность сочетания бессоюзного и союзного соединения понятий, здесь тоже можно было бы записать – *ἀσυλεῖ, ἀσπονδεῖ κ*]αὶ πο[*λέμου καὶ εἰράνας*]/[*αὐτῶι (καὶ ἐκύονοις) καὶ χράμασι*]. Но это – скорее для будущего apparatus criticus. В начале стк. 18 при этом оказывается на одну букву (15) меньше, чем в стк. 17, что, впрочем, вполне допустимо, так как в последней образуется, противу стк. 18, на одну *йоту* больше.

В общем, все конкурентные предложения Виноградова и Макарова должно поменять местами. Первые – вернуть в основной текст декрета, вторые – в критический аппарат.

4. Надгробие Ксанфа Лагоринова (IOSPE I² 482 = IOSPE³ III 195; рис. 3). В 2013 г. Макаров вернулся к давно и хорошо известной эпитафии [4, с. 310–326]. Он снова не обходится без наследия Виноградова («эпиграфическое поле», «регистр», включение в текст греческих и латинских оборотов и слов), правда, на сей раз о том не упоминая. Для макардовских вставок характерны оксюмороны (Херсонес именуется небольшим городом и т.п.) и затянутые отступления от основной темы, мало, что дающие для ее понимания [то и другое: 4, с. 312–314, 318 сл., 323–324, прим. 55].

Чтение отлично сохранившихся стихов не менялось со времен Латышева, и Макаров слишком некритично следует ему. На с. 315 он принимает значение *σωφροσύνη* «поведение в интересах отца» и лишь к концу с. 316 выходит на правильное понимание – «послушание», а *σοφὸς ἐν Μούσαις* [4, с. 317] так и не исправляет из «мудрый в Музах» на «искушенный в искусстве Муз».

Пространный пассаж о греческом образовании [4, с. 318–319 и др.] написан им без учета эллинической нарративной традиции и обширной историографии вопроса. Кроме того, игнорируя разработки Вильгельма и Робера (BE 36, р. 347; 63, 144 и 262; 68,

450; 69, 403; 73, 414; 74, 501; 76, 68, 76 и 676; 77, 459 и 470 ...), специально посвященные столь свойственным погребальной поэзии позднеэллинистической эпохи гиперболам (вроде той, где Ксанф – пример для νεοί), он безоглядно доверяется преувеличениям [4, с. 316, 322–323].

Макаров [4, с. 318–323, 325] не определяется с возрастом умершего. Тот у него то совсем юн, то – эфеб 18–20 лет, а то и вовсе νεός (20–30 летний). В дискуссии же с самим собой о νεοί [4, с. 320 слл.] ему остро не хватает знакомства с посвященными таковым работами вышеназванных специалистов.

Он то утверждает обычное для эллинистического стихотворчества отсутствие деталей биографии героя [4, с. 314], то всерьез принимает его характеристику, как προαχεῖντα (разве не факт жизнеописания? – ФШ-К), и считает это основанием для того, чтобы отнести его к νεοί [4, с. 323], полагая его сложившим голову на поле брани вне полиса: только начиная с этого возраста мужское население участвовало в сражениях extra muros. Будто Ксанф «в первых рядах» не мог стоять на стенах Херсонеса и получить там губительную стрелу.

Вместо выводов предлагается телеграфный пересказ содержания и туманное высказывание: «В эпитафии, возможно, содержится намек на то, что Ксанф успел начать полисную карьеру, исполняя функции начальника эфебов или заместителя гимнасиарха» [4, с. 325–326]. Замечу – выше о таком повороте сюжета разумно (ведь поэт обо всем написал, пусть и напыщенно, без всяких экивоков) не было сказано ни слова.

Когда содержание эпиграммы прозрачно, на первый план выходит историческая информация, которая может быть, с ее помощью, получена. Имя Ксанфа Лагоринова нанесено, как верно отмечено, поверх частично стертого – Пармиса Аполлова. Поэтому главное, для начала, установить датировку обеих надгробных надписей относительно друг друга.

У Макарова это не получается. Думая, что Ксанфу в целом ближе всего шрифт письма правившего на рубеже эр Полемона I (IOSPE I² 704 = IOSPE³ III 104: мнение, как увидим, торопливое), он внезапно датирует эпитафию первой половиной I в. по Р. Х. [4, с. 313–314]. Дальше на протяжении одного абзаца [4, с. 314] он трижды (!) меняет точку зрения. Начав с того, что надгробие Пармиса «не может быть значительно старше» такового Ксанфа, он через пару строк пишет, что его нельзя «датировать ранее середины I в. до н. э.», то есть памятник Пармиса должен быть все-таки значительно – до столетия – древнее. Затем – в той же фразе! – высказывает предположение, что «временной

промежуток» между обоими «мог быть совершенно незначителен». А в конце говорит, что их разделяет «не более века».

Так метаться его принуждает ориентация исключительно на палеографию. А светила эпиграфической науки недаром настаивали, что на нее надо обращать внимание далеко не в первую очередь: во-первых, мода на те или иные лапидарные формы букв была как преходящая, так и склонна к возвращению (например, IOSPE I² 356 = IOSPE³ III 14 – *тета* с точкой); во-вторых, некоторые графемы существовали без перерыва очень долго; в-третьих, разные их формы могут сосуществовать даже в одном и том же документе (см. только в Херсонесе: IOSPE³ III 8, 10 и 14 – *сигма* то раскрытая, то стянутая; IOSPE³ III 9 и 13 – *пи* то с одинаковыми, то с разновеликими опорами). Поэтому, прежде литер, нужно оценить тип и специфическое состояние самой стелы и вникнуть в сопутствующий ей исторический контекст.

Обстоятельства находки – римский некрополь у южной стены полиса, обкладка гробницы (ОАК за 1892 год) – подтверждают лишь, что это было далеко не первое использование плиты. Стандарт карнизов и баз такого вида, как на этом надгробии, возникает в Херсонесе во второй половине IV в. до Р. Х. и сохраняется веками (НЭПХ II 141 = IOSPE³ III 208; IOSPE³ III 215; 219; НЭПХ II 135 = IOSPE³ III 264; 177 = IOSPE³ III 267; 168 = IOSPE³ III 273; 147 = IOSPE³ III 279). Розетты на них появляются практически сразу (см. IOSPE³ III 215 и др.), с аналогичными лепестками (иногда в два ряда) – тоже (ср. IOSPE I² 467 = IOSPE³ III 221 и т.д.).

Перекладина *альфы* в херсонесских условиях начинает ломаться во II в. до Р. Х. (IOSPE I² 709 = IOSPE³ III 297; НЭПХ II 182 = IOSPE³ III 321 и проч.), *пи* с несколько укороченной правой вертикалью, как в патронимике сына Аполлы, возникает во второй половине III в. и доживает, по принятым датировкам, как минимум, до конца I в. (IOSPE I² 509 = IOSPE³ III 226; 514 = IOSPE³ III 262; 481 = IOSPE³ III 269; 511 = IOSPE³ III 302; 713 = IOSPE³ III 308; НЭПХ II 153 = IOSPE³ III 256; 182 = IOSPE³ III 321; IOSPE³ III 307; IOSPE³ III 13). Общий же облик шрифта, насколько о нем можно судить по затертостям, эпитафии Пармиса, включая разлапистое *мю*, *ро* на длинной ножке и стянутую *сигму*, говорит в пользу середины – начала второй половины II в. до Р. Х. (IOSPE I² 466 = IOSPE³ III 298; 492 = IOSPE³ III 309; 473 = IOSPE³ III 314; 498 = IOSPE³ III 318; 499 = IOSPE³ III 319; 522 = IOSPE³ III 322; НЭПХ I 35 = IOSPE³ III 312; 38 = IOSPE³ III 316; 39 = IOSPE³ III 315; НЭПХ II 40 = IOSPE³ III 320; IOSPE³ III 299 и 301; ср. IOSPE I² 468 и 487 – последней четверти

столетия). Как сообщил мне *per litteras* Е.Я. Туровский, то же прослеживается и в нумизматическом материале.

Ключевой же фактор состоит в том, что эпитафии *всегда* размещались *выше розетт*. За одним *исключением* – когда *ниже* них стояли *данные родственника*, усопшего после первого покойника. Следовательно, мы сталкиваемся именно с тем, что Пармис Аполлов был добавлен к своему близкому. Действительно, в экспозиции херсонесского лапидария выше розетт можно заметить следы полностью стертого текста. Возможно, тут проглядываются присущие второй половине III – началу II в. до Р. Х. *ни* с очень короткой правой стойкой (единственный оставшийся от стк. 1 знак), *альфа* с низкой ровной переключиной и *ро* (из стк. 2), а значит [Α]π[ολλᾶς/Π]ᾶρ[μιοῦ, (χαῖρε?)] – имя и отчество отца Пармиса.

Получается, что облицовка погребения – четвертое, а памятник Ксанфу – третье применение мрамора. Основательность такой вероятности подтверждается тем, что, несмотря на все беды, обрушенные на полис крымскими скифами, состоятельные херсонесцы в конце III в. до Р. Х. еще могли себе позволить почтить отдельного человека мраморным, привозным и дорогим, мемориалом (их, как мы видели выше, немало), а вот к середине II столетия, когда обстоятельства стали куда более стесненными, – уже нет, и Пармис был вписан к своему отцу. Кроме того, ниже розетт воспроизводились, как правило, сюжеты и/или предметы, характеризующие область занятий ушедшего. Тут они тоже оказались стесаны, и не слишком аккуратно.

Небедным родным – они оплатили труд поэта – не хватило возможностей для полного заглаживания поверхности камня перед его третичным употреблением, что видно не только по приспособлению прежней надгробной надписи к новой задаче и остатков еще одной, той предшествовавшей. Эпиграмма в честь Ксанфа Лагоринова была начертана в самом низу плиты – месте традиционном, если выше стихов располагались те самые изображения (ср. IOSPE³ III 192: IV в. до Р. Х.). Здесь же, в их отсутствие, объяснение другое – середина стелы после довольно грубого сбивания того, что не имело отношения к новому покойному, оказалась непригодной для письма.

Не исключено, что среди херсонеситов тогда уже просто не осталось мастеров для тонкой работы по камню. Столь бедственное положение лучше всего подходит концу II в. до Р. Х. На период диофантовых войн указывает также то, что Ксанф пал в бою. Не противоречит тому и палеография: все представленные здесь формы букв (*ни* с рав-

новеликими вертикалями, рассеченная пополам *тета*, стянутая *сигма*, крупные *омикрон* и *омега*, *альфа* с ломаной переключиной и т.п.) были тогда уже хорошо засвидетельствованы – вместе или по отдельности – во многих памятниках (например, IOSPE I² 352 = IOSPE³ III 8; IOSPE I² 353 = IOSPE³ III 9; IOSPE I² 478 = IOSPE³ III 327; IOSPE I² 487 = IOSPE³ III 328).

Данная эпитафия – полноценный исторический источник, и не только о событиях, приведших сына безутешных родителей к гибели. Она дополнительно оттеняет сведения о поэтапном свертывании ресурсов Херсонеса и его граждан, да и о ходе драматической и долгой – более, чем вековой – борьбы полиса с угрозой со стороны окрепшего Скифского царства в Крыму.

Конечно, варвары создавали херсонеситам немалые проблемы и позднее (см. IOSPE I² 369 = IOSPE³ III 61). Однако рассмотренная информация во всей своей совокупности в вопросе хронологии заставляет нас отдать предпочтение первой альтернативе: надпись следует датировать скорее временем Диофантовых войн, нежели периодом новой агрессии скифов в I в. по Р. Х.

5. Фрагмент 1978 года (IOSPE³ III 63; рис. 4, 4а). В 2015 г. Макаров [6, с. 223–224] мимолетно отнесся к опубликованному мною небольшому фрагменту зачина декрета третьей четверти I в. до Р. Х. [13, с. 76–83]. Он посчитал, что предложенные мною варианты восстановления были, до появления вновь изданного им памятника, «очевидно ненадежны». В отсутствие объяснения вердикта об «очевидности» возникает впечатление, что любое дополнение без буквалистских аналогий странным образом кажется ему подозрительным а priori.

Сославшись [6, с. 223, прим. 69] на проведенную им в Херсонесском музее аутопсию (инв. 51/37005), Макаров присоединяется к высказанному также мимоходом тезису Соломоник [12, с. 53], усмотревшей на камне в конце стк. 3 не *ро*, но *альфу*, в начале же стк. 4 не *эпсилон* или *тау*, а *каппу*. Что и заставляет его признать мои предложения невозможными.

Между тем, ничто на моих неретушированной фотографии, эстампаже и «протирке» *первоначального* обломка (ср. еще фото из ВДИ: 13, вклейка к с. 76) не показывает ничего из увиденного Соломоник. Зато хорошо проглядывают [ср.: 13, с. 80] – и полукруг *ро* в стк. 3, и заканчивающаяся легким апексом черточка слева вверху стк. 4. То, что было принято уважаемой исследовательницей за *альфу*, есть выщерблина, в два (!) раза превышающая ширину обеих таких же литер, полностью сохранившихся в сткк. 2 и 3, и до полутора раз бóльшая,

чем любая из *альф* из стк. 1. Ясно, что такое ее отличие от своих соседок, выдержанных в сопоставимых параметрах, невозможно. Это же не стк. 4, которую я отнес к мотивировочной формуле потому, что она резко выделяется величиной своих графем, что для нее типично – в разных полисах и различные периоды.

О «*каппе*» в стк. 4: это простой фантом. Ничего похожего на ее верхний усик (ср. начало стк. 3) не было и нет. Есть, правда, подтреугольная выбоина, однако по ней читается единственно обрывок горизонтали. Я могу лишь повторить прежние слова «вверху видна часть горизонтальной черты» [13, с. 80]. Ни о чем «уходящем кверху в облом», что у меня «нашла» Соломоник [12, с. 53], я никогда не писал.

Тем не менее, Макаров, опираясь на столь шаткое основание и на начало иного камня, предлагает *exempli gratia* такое восстановление декрета из раскопок 1978 г.:

[πρόεδροι βουλᾶς εἶ]παν· ἐπ[εὶδὴ ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος]/[e.g. ὡς ἐνδέχεται] κάλλιστα [τὰν ἀναστροφᾶν πεποιήται]/[τᾶς πόλεος ἀμῶν ——]+ΟΣ[——]

App. crit. В разделе «Комментарии» к IOSPE³ III № 63 Макаров приводит неправильную ссылку на самого себя: вместо [6, 223] – дано [6, 221]. Стк. 3 реконструируется с упоминанием на 100 лет более старой (насколько ее можно тогда и привлекать?) FD III 2, 33, 4 (у Макарова ошибочно – FD III 2, 33, 3); автор берет *только часть* обычной в Дельфах (почему предпочитает именно их? Такие же обороты, но также с иной последовательностью лексем, есть и в других центрах) клаузулы и на свой вкус *меняет* в ней *порядок слов*. Стк. 4 πόλεος: должно быть, в соответствии с херсонесским узусом, либо πόλιος, либо πόλειος (где εἰ = ι); никак не объясняется, почему вдруг *посреди* мотивировки нелогично возникает более крупный шрифт; +ΟΣ: непонятен крестик – если переиздатель настолько неуверен в своих выкладках, то зачем далее в тексте, и снова *exempli gratia*, он приводит чтение κοσ[μίως; ничего похожего на *мю* после *сигмы* тут не наблюдается, зато на современном, умеющем куда больше и резче, чем прежде, вытягивать из

объекта, фото в IOSPE³ просматривается еще одна верхняя горизонталь, что лишний раз укрепляет мою версию – διὰ παν]τὸς γ[νησίως, позволяя упоминать *гамму* как частично сохранившуюся.

Злоупотреблять дополнениями *exempli gratia* методически опрометчиво. От такого увлечения – уже почти 120 лет тому назад – предупреждал начинающих великий русский эпитафист А.В. Никитский [7, с. XI]. Не раз говорил о том и Вильгельм. Робер же предлагал гипотетические e.g. запретить вообще [20, р. 149 suiv.; 21, S. 48]. Очень решительно об их пагубности высказывался Виноградов [1, с. 57 сл.]. Указанные выше промахи выразительно подтверждают правоту корифеев.

Сомнения, высказанные выше в критическом аппарате, довершаются невозможностью, в варианте Макарова, уверенно высчитать длину строки. Ясно видно, что первоначально середина мрамора проходила ровно по вертикали *тау* в стк. 3. Следовательно, число букв слева и справа от нее должно было быть близким. Однако, у него их количество в правой и левой половине (при предполагаемом одинаковом составе *йот* в них) стк. 3 существенно отличается – на 5–6 мест. В стк. 2 разница еще значительнее, а в стк. 4 перед предлагаемым κοσ[μίως остаются незаполненными несколько м.б., даже если после τᾶς πόλ(ε)ιος ἀμῶν разместить καὶ.

Общую картину ненадежности чтений Макарова усугубляют и некоторые «мелочи». *Bonae fortunae* *арграсио* тоже не попадает у него на середину камня. Стк. 4 зависает без внятного понимания ее содержания. Непонятно, откуда берется приписанная мне датировка псефизмы второй половиной – концом I в. до Р. Х., тогда как я четко [13, с. 80] пишу о третьей четверти столетия, что пересекается с последней третью, которую отстаивает мой оппонент. В итоге, приходится, увы, признать, что его высказанное «к примеру» мнение не проходит испытания на прочность, и настаивать на первоначальной моей реконструкции: ἀ]γαθαῖ [τύχαι]/[νομοφύλακες εἶ]παν· ἐπ[εὶδὴ ὁ δεῖνα]/[τοῦ δεῖνος τοῦ] Κάλλιστρ[άτου ἀνὴρ καλὸς καὶ ἀγα]/[θὸς διὰ παν]τὸς γ[νησίως ἑαυτὸν ἐπίδι]/[δοῦς etc.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов Ю.Г. О методике обработки греческих эпитафических памятников // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 53–87.
2. Виноградов Ю.Г. Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп: Процесс интеграции Синдики в Боспорскую державу по новелле Полиэна (VIII, 55) и вотивной эпитафеме из Лабриса (подготовка текста, примечания и комментарии Ф.В. Шелова-Коведяева) // ВДИ. 2002. № 3. С. 3–22.
3. Макаров И.А., Ушаков С.В. Краснофигурный килик с надписью из раскопок Херсонеса Таврического // ВДИ. 2008. № 4. С. 173–186.

4. Макаров И.А. О надписи Ксанфа, сына Лагорина из Херсонеса Таврического (IOSPE I² 482) // *Monumentum Gregorianum*: Сб. статей памяти академика Григория Максимовича Бонгард-Левина. М., 2013. С. 310–326.
5. Макаров И.А. Херсонесский декрет в честь Ксенона, сына Тимофея // *Аристей*. 2014. Т. X. С. 292–307.
6. Макаров И.А. Новая надпись из Херсонеса Таврического // *ВДИ*. 2015. № 4. С. 210–226.
7. Никитский А.В. Исследования в области греческих надписей. Юрьев, 1901. С. X + 305.
8. Соломоник Э.И. Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // *ВДИ*. 1976. № 3. С. 121–141.
9. Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. 286 с.
10. Соломоник Э.И. Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. 228 с.
11. Соломоник Э.И. Граффити хоры Херсонеса. Киев, 1984. 188 с.
12. Соломоник Э.И. Греческие надписи Херсонеса (находки последних лет) // *ВДИ*. 1996. № 4. С. 43–53.
13. Шелов-Коведяев Ф.В. Новый декрет из Херсонеса // *ВДИ*. 1982. № 2. С. 76–83.
14. Шелов-Коведяев Ф.В. Прощание с Дитагойей: Конец одного и рождение нового божества // *Аристей*. 2017. Т. XVI. С. 107–115.
15. Шелов-Коведяев Ф.В. Древнегреческая поэзия на Боспоре // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2018. № 6. С. 71–80.
16. Шелов-Коведяев Ф.В. Владыке Пантикапея // *ДБ*. 2019 (в печати).
17. Bruchmann C.F.H. *Epitheta deorum quae apud poetas graecos leguntur*. Lipsiae, 1893. 226 S.
18. Gruppe O. *Griechische Mythologie und Religionsgeschichte*. München, 1906. Bd I–II. 1952 S.
19. Nilsson M.P. *Geschichte der griechischen Religion*. München, 1955. 1699 S.
20. Robert L. *Hellenica*. I. Paris, 1940. 157 p.
21. Robert L. *Die Epigraphik der klassischen Welt*. Bonn, 1970. 85 p.
22. Usener H. *Götternamen*. Bonn, 1896. 408 S.

REFERENCES

1. Vinogradov Ju.G. O metodike obrabotki grecheskikh epigraficheskikh pamyatnikov. In: *Metodika izucheniia drevneyshykh istochnikov po istorii narodov SSSR*. Moscow, 1978, pp. 53–87.
2. Vinogradov Ju.G. Levkon, Gekatey, Oktamasad i Gorgipp. Protsess integratsii Sindiki v Bosporskuyu derzhavu po novelle Poliena (VIII, 55) i votivnoi epigramme iz Labrisa (podgotovka teksta, primechaniya i kommentarii F.V.Shelova-Kovedyaeva). *Vestnik drevney istorii*, 2002, no 3, pp. 3–22.
3. Makarov I.A., Ushakov S.V. Krasnofigurniy kilik s nadpis'yu iz raskopok Khersonesa Tavrisheskogo. *Vestnik drevney istorii*, 2008, no 4, pp. 173–186.
4. Makarov I.A. O nadpisi Ksanfa, syna Lagorina iz Khersonesa Tavrisheskogo (IOSPE I² 482). In: *Monumentum Gregorianum*. Moscow, 2013, pp. 310–326.
5. Makarov I.A. Khersonesskiy dekret d chest' Ksenona, syna Timofeya. *Aristey*, 2014, vol. X, pp. 292–307.
6. Makarov I.A. Novaya nadpis' iz Khersonesa Tavrisheskogo. *Vestnik drevney istorii*, 2015, no 4, pp. 210–226.
7. Nikitskiy A.V. *Issledovaniya v oblasti grecheskikh nadpisey*. Yur'ev, 1901, X + 305 pp.
8. Solomonik E.I. *Nekotorye gruppy graffiti iz antichnogo Khersonesa*. *Vestnik drevney istorii*, 1976, no 3, pp. 121–141.
9. Solomonik E.I. *Novye epigraficheskiye pamyatniki Khersonesa*. Kiyev, 1973, 286 pp.
10. Solomonik E.I. *Graffiti antichnogo Khersonesa*. Kiyev, 1978, 228 pp.
11. Solomonik E.I. *Graffiti khory Khersonesa*. Kiyev, 1984, 188 pp.
12. Solomonik E.I. Grecheskiye nadpisi Khersonesa (nakhodki poslednikh let). *Vestnik drevney istorii*, 1996, no 4, pp. 43–53.
13. Shelov-Kovedyaev F.V. Noviy dekret iz Khersonesa. *Vestnik drevney istorii*, 1982, no 2, pp. 76–83.
14. Shelov-Kovedyaev F.V. Prosschaniye s Ditaгойey. Konets odnogo i rozhdeniye novogo bozhestva. *Aristey*, 2017, vol. XVI, pp. 107–115.
15. Shelov-Kovedyaev F.V. Drevnegrecheskaya poeziya na Bospore. *Vestnik Nizhegorodskogo Gosudarsvennogo universiteta*, 2018, no 6, pp. 71–80.
16. Shelov-Kovedyaev F.V. Vladyke Pantikapeya. *Drevnosti Bospora*, 2019, vol. 24 (*forthcoming*).
17. Bruchmann C.F.H. *Epitheta deorum quae apud poetas graecos leguntur*. Lipsiae, 1893, 226 S.
18. Gruppe O. *Griechische Mythologie und Religionsgeschichte*. München, 1906, Bd. I–II, 1952 S.
19. Nilsson M.P. *Geschichte der griechischen Religion*. München, 1955, 1699 S.
20. Robert L. *Hellenica*. I. Paris, 1940, 157 p.
21. Robert L. *Die Epigraphik der klassischen Welt*. Bonn, 1970, 85 p.
22. Usener H. *Götternamen*. Bonn, 1896, 408 S.

РЕЗЮМЕ

В публикации приведен ряд addenda и corrigenda. В IOSPE I² 349 (№ 1) все же присутствуют ионизмы. Новое чтение № 2 дает половину известной стихотворной строчки и сведения об образовании в Херсонесе второй половины IV в. до Р. X. В № 3 автор настаивает на преимуществе реконструкции Ю.Г. Виноградова для понимания истории Херсонеса середины I в. до Р. X. Третье использование стелы № 4 говорит о бедственном положении полиса в конце II в. до Р. X. В № 5 показана ошибочность выбора восстановления в IOSPE³ III 63.

Ключевые слова: Надпись, граффито, надгробие, стих, образование, полис, восстановление.

F.V. Shelov-Kovedyaev

DE TITULIS CHERSONESI TAURICAE

SUMMARY

The paper proposes several addenda et corrigenda. IOSPE I² 349 (№ 1) bring still some ionic forms. New lection of № 2 takes a half of well-known verse and information about education in Chersonesos in the 2nd half of IVth B.C. № 3 persist on the Ju.G. Vinogradov's reconstruction for the understanding of Chersonesos' history in the mid of Ist B.C. The third usage of gravestone № 4 demonstrates the poor situation of polis at the end of IInd B.C. № 5 insists on the false supplement in IOSPE³ III 63.

Keywords: Inscription, graffito, gravestone, verse, education, *polis*, reconstruction.

Рис. 1. Поэтическое упражнение в честь Артемиды Водительницы Прекрасной [по: 3, рис. 2].

Рис. 2. Декрет IOSPEЗ III 11в честь Ксенона Тимофеева
(Фото из фондов Херсонесского музея).

Рис. 3. Надгробие IOSPEЗ III 195
Ксанфа Лагоринова
(Фото из фондов Херсонесского музея).

Рис. 4. Фрагмент декрета, найденный в Херсонесе в 1978 г.
(Фото из фондов Херсонесского музея).

Рис. 4а. Фрагмент декрета, найденный в Херсонесе в 1978 г.
(Фото из отчета М.И. Золотарёва о раскопках
в северо-восточном квартале Херсонеса в 1978 г.:
НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2052. Л. 11 об., рис. 23).